

В интерпретации Шумана героический эпос «Кудруна», как это было принято тогда, подвергся существенному изменению в соответствии с политическими надобностями нацистов. В оригинале Кудруна, пройдя всевозможные испытания, счастливо сочетается браком со своим избранником. В трактовке Шумана Гудруна разрывается между любовью к отвергнутому ею ранее Хартмуту Норманцу и клятвой верности к своему жениху Хервигу Зиландскому, и выход из этой ситуации только один – смерть. Когда Хартмут погибает в поединке с Хервигом, Гудруна кончает жизнь самоубийством над телом возлюбленного, тем самым как бы сохраняя свою честь перед нелюбимым женихом, не дав ему формального отказа, и жертвуя собой ради высокой любви к предмету своей страсти. Гудруна выступает здесь как олицетворение жертвенности, определяющейся фатальной неизбежностью смерти, и, с учётом реальной ситуации в Германии на конец 1943 г., этот посыл воспринимался как призыв к лояльности по отношению к режиму до последнего конца, готовности к жертвам, и одновременно как некая поведенческая установка восприятия неизбежности судьбы. Таким образом, Шуман слил воедино слепую веру в фюрера и судьбу, что и отвечало постулатам нацистской идеологии.

Критика восприняла трагедию Шумана с восторгом, особо подчёркивая «германскую верность... заключённую в образе Гудруны вплоть до *non plus ultra*... Героиня трагедии в её трагическом положении погибает, и хотя её поступок в смысле настоящего германского духа, как и довольно слабой связи с самим эпосом вызывает некоторые сомнения, тем не менее, она производит впечатление действительного величия»⁴⁹.

Слепая вера в фюрера и судьбу, надо полагать, подвигли и Шумана в феврале 1944 г. подать прошение о приёме его в СС-дивизию «Хорст Вессель», и прошение его было удовлетворено, несмотря на то, что он, истинный сторонник СА, «штурмовик первого призыва», не раз выступал в своих стихах против гонений на «старых бойцов», а, как известно, основными исполнителями приказа Гитлера по уничтожению верхушки СА были именно эсэсовцы.

После разгрома Третьего рейха Шуман быстро перестроился, пройдя процесс денационализации без существенных потерь благодаря умелому подчёркиванию религиозной метафоры своего творчества, а также обыгрыванию своих якобы оппозиционных выступлений против «партийных бонз». Свою роль сыграли и его первые стихи, написанные в лагере для военнопленных, в которых Шуман трактовал поражение фашистской Германии не как политическое или военное действие, а как божью кару, обрушившуюся на немецкий народ, не выдержавший посланного на него испытания нацизмом. В своём сонете «Молитва» («Gebet») Шуман восклицает: «Ты, полный гнева, вверг народ / в эту бездну мрачных душевных страданий. / Как должен же Ты любить Германию...»⁵⁰

В конечном итоге Шуман был признан «виновным в незначительной степени» (Minderbelasteten), и вскоре, не без поддержки бывших коллег по цеху (Г. Гримм, Г. Бёме, В. Пляйер), включился в работу различных профашистских и антикоммунистических организаций, а в 1962 г. основал собственное издательство «Хоенштауфен-ферлаг» («Hohenstaufen-Verlag»), в котором нашли прибежище произведения бывших нацистских писателей, благо правозащитных читателей в тогдашней Германии было достаточно. Новую жизнь обрели и его собственные произведения, общий тираж которых к 1983 г. достиг 500 000 экземпляров⁵¹. До конца своей жизни Шуман оставался проводником идей национал-социализма и одним из наиболее почитаемых авторов в кругах различных землячеств и неонацистских организаций.

ГАНС ЙОСТ

Пожалуй, самой колоритной фигурой собственно нацистской литературы являлся Ганс Йост (Johst, Hans, 1890–1978) – писатель, драматург, поэт, публицист, в творчестве которого наиболее ярко отразились идеологические установки национал-социализма как в области культуры, так и в области политики. На фоне скудных достижений нацистской литературы произведения Йоста обладают определёнными художественными достоинствами, ибо в таланте ему нельзя отказать. Его заметил даже А.В. Луначарский, опубликовав в 1923 г. в журнале «Современный Запад» в собственном переводе его стихотворение «Аве Мария»⁵², что позволило ему отнести Йоста к «христианским» поэтам⁵³.

О степени значимости Г. Йоста в культурной жизни Третьего рейха красноречиво говорит перечень сфер его деятельности: художественный руководитель Государственного драматического театра в Берлине (1933), президент «Немецкой академии поэтов» в Академии искусств (1933) и «Объединения на-

⁴⁹ Seyffarth, U. Neue Bühnendichtung // Europäische Revue, 1944. – Н. 3. – S. 19.

⁵⁰ Цит. по: Bartels, J. Op.cit. S. 285.

⁵¹ Ibid. S. 291.

⁵² Йост. Аве Мария // Современный Запад. – Петербург, 1923. – № 2. – С. 132 – 133.

⁵³ Луначарский, А. К характеристике новейшей немецкой поэзии // Современный Запад. – Петербург, 1923. – № 2. – С. 125.

циональных писателей» (1934), советник Прусского государственного совета (1934), президент «Имперской палаты письменности» (1935), член обычного подразделения СС («allgemeine SS», 1935), затем в звании группенфюрера СС (1937), президент «Германского общества Роберта Шумана» (1943) и «Германо-финнского общества» (1943). Его заслуги как писателя нашли признание только в годы нацизма: в 1933 г. он стал лауреатом премии «Вартбургская поэтическая роза», в 1935 г. ему первому была вручена на партийном съезде в Нюрнберге премия НСРПГ в области литературы и науки, в 1939 г. Йост получил национальную премию искусств, в 1940 г. – медаль Гёте и в 1941 г. – поэтическую премию города Лейпцига⁵⁴.

Ганс Йост родился 8 июля 1890 г. в Зеехаузене под Дрезденом в семье школьного учителя. Писатель, взращённый в недрах экспрессионизма, публиковавшийся в знаменитом леворадикальном журнале Франца Пфемферта «Акцион», Йост заявил о себе как талантливый драматург, чьи пьесы с успехом шли на самых главных сценах Германии, а критики, в том числе такие, как Герберт Иеринг и Бертольд Брехт, каждый по-своему, проявляли большой интерес к его творчеству⁵⁵. Первая же пьеса Йоста «Час умирающих» («Die Stunde der Sterbenden», 1914), написанная по всем канонам эстетики экспрессионизма, обратила на себя внимание критиков. На поле боя ночью, под дождём, лежат умирающие солдаты. Их безымянные голоса и составляют основу пьесы. Высказывания солдат создают атмосферу некоего сакрального умирания, и хотя отдельные голоса проклинают войну, общую тональность их мнений определяет приготовление к смерти, в которой они видят некое спасение: «Человек может понять войну, битву, боль и смерть как выражение индивидуальной воли, принять страдание и тем самым воспринять настоящий смысл существования, так что в конце “сверкающий мотив преодоления смерти” торжествует»⁵⁶. Это восприятие смерти, впервые зафиксированное в художественной литературе, станет ведущим мотивом многих книг, посвящённых Первой мировой войне, и войдёт в катехизис добродетелей истинного национал-социалиста.

Если эту и ряд других пьес можно рассматривать как поиск начинающим автором своей темы, и поиск достаточно удачный, то в пьесе «Молодой человек. Экстатический сценарий» («Der junge Mensch. Ein ekstatisches Szenarium», 1916) впервые проявляются черты, которые станут определяющими в последующем творчестве писателя. Герой пьесы, отвергающий общественные установления, христианское милосердие, видит гармоническое существование в иррациональном, в некоем симбиозе реальности и мифа: «Освящение кровью!.. Это было бы спасением мира!» И далее: «Никакой ясности греков!.. Никакого итальянского пурпура!.. Немецкую легенду я хочу читать»⁵⁷.

Патетика «экстаза-быть-только-молодым-и-ничем-иным» станет основной тональностью многих произведений Йоста⁵⁸, и она станет одной из составляющих нацистского мировосприятия. Многие современники (О. Вальцель, М. Рейнхард, Ф. Ведекинг, О. Лёрке) восторженно отзывались о пьесе молодого драматурга, о необычном накале страстей, о смелости высказываний, и только Х. Иеринг высказал сомнения в искренности и художественной достоверности помыслов автора, усмотрев в экстатических интенциях пьесы лишь подобие экспрессионистского духа: «Господин Йост представил революцию в духе журнала для домашнего чтения. Он думает, что он страстно протестует, а сам сидит в уголке на диване... Буря и натиск для господина Йоста средство ощутить самого себя... Он вынужден представить себя... распятым на кресте для того, чтобы он мог страдать, потому что господин Йост не страдает, чтобы что-то выразить, а он лишь выражает нечто для того, чтобы страдать»⁵⁹.

Однако настоящим прорывом в литературной карьере Йоста стала пьеса «Одинокий. Гибель человека» («Der Einsame. Ein Menschenuntergang», 1917), посвящённая последним годам жизни немецкого драматурга Кристиана Дитриха Граббе. Драма художника, традиционная тема экспрессионистского театра, превращается у Йоста в героизацию индивидуума, что особенно характерно для авторов фелькиш-национальной направленности. Не случайно в пьесе все остальные персонажи, кроме Граббе, безымяны и представлены как «его друзья» и «его враги». Человеческое, повседневное теряет свою значимость, что подтверждается в провоцирующих поступках Граббе (появление на службе в кальсонах), в его антисемитских высказываниях, в его аморализме, согласно которому ординарное преступление превращается в героический поступок. Все эти проявления не содержат какого-либо разумного обоснования: «Оно находит своё оправдание по большей части во встречающемся у Йоста и у героев Граббе сопряжённого понимания принципиального противостояния между жизнью, молодостью, витальностью, с одной стороны, и разумом и слабостью, с другой. Тем самым уже в этом раннем произведении писателя предварительно

⁵⁴ Düsterberg, R. Hanns Johst – der Literaturfunktionär und Saga-Dichter // Dichter für das «Dritte Reich». Biografische Studien zum Verhältnis von Literatur und Ideologie. 10 Autorenporträts / Hrsg. v. R. Düsterberg. – Bielefeld, 2009. – S. 100.

⁵⁵ Düsterberg, R. Hanns Johst: «Der Barde der SS». Karrieren eines deutschen Dichters. – München, Wien, Zürich, 2004. – S. 50 – 51.

⁵⁶ Цит. по: Düsterberg R. Op.cit. S. 30.

⁵⁷ Ibid. S. 43.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. S. 45.

явно сформировался основной политический принцип будущего национал-социализма, включая его brutальные методы»⁶⁰.

Драма «Одинокий», представленная в 1919 г. «на всех сценах Германии», имела огромный успех⁶¹, хотя мнения критиков разделились. Одним из самых резких критиков драмы был Б. Брехт, находившийся одно время в дружеских отношениях с Йостом⁶². Именно эта драма послужила для Брехта отправным моментом для написания пьесы «Баал», суть которой определялась не только неприятием драмы Йоста («слабая, пользующаяся успехом пьеса» как выражение «смешного восприятия гения и аморального человека»), но и критикой экспрессионизма как направления⁶³. Правда, и сам Йост сразу же после премьеры «Одинокого» в ряде статей всячески отрекся от экспрессионизма, полагая, что новое искусство берёт свое начало в природе, и в этом состоит его магия, которая «ведёт его к созданию абсолютного произведения искусства»⁶⁴. Йосту претил интеллектуализм экспрессионизма: «В искусстве интеллектуальная энергия не весит ни грамма»⁶⁵.

Схожие мысли Йост высказывал и раньше в своём первом романе «Начало» («Der Anfang», 1917), повествующем о становлении фёлькиш-национального мировосприятия Ганса Вернера, молодого человека из буржуазной семьи. Ментором по жизни для него является тяжело больной доктор Шверт, который выступает в роли авторского эго и соответственно излагаемые им мысли носят программный характер фёлькиш-национального толка: «Гнев, хитрость и месть, ложь и ненависть являются выражением героического начала, а слёзы – ещё и дивным наслаждением. Нравственное остаётся связанным с чувственным. Мужество является добродетелью. Здоровье – идеал... Простота этих мыслей... скрывает в себе для нас жестокость, которую мы научились – из библии – воспринимать социально»⁶⁶.

В этих словах на первое место выдвигается не разум, а чувственное восприятие естественного человека, для которого здоровье, жестокость и прочие его проявления, данные ему природой, лишены общественной обусловленности, и поэтому библия с её этическими канонами объявляется виновницей потери этим человеком его исконных природных качеств. Отсюда делается вывод о том, что «быть здоровым является первым требованием каждой цивилизации, потому что из болезни вырастает только на строение! Вырастает раннее малодушие, ранняя зрелость, слишком ранняя смерть!»⁶⁷

В романе находит своё выражение и один из важнейших идеологических компонентов программы национал-социалистов – тема «матери», тема «женщины» вообще, суть которой сводится у Йоста к биологическому предназначению женщины, сопряжённому с покорным восприятием «неумолимых законов судьбы, какой бы жестоко несправедливой она ни была: слабый пол, настроенный героически, вынужден – хочет он того или нет, и является ли он борцом или нет – довести борьбу до конца, начало которой представляет собой преданность, полная пассивность, любовь!»⁶⁸

Примечательно, что много позже в рассказе «Мать не подвержена смерти» («Mutter ohne Tod», 1933), пользовавшемся огромной популярностью (тираж его в 1944 г. составил 200 тысяч), Йост несколько смягчил жёсткую посылку, что, возможно, связано с личными мотивами, ибо в этом рассказе он «описал свои чувства после смерти матери»⁶⁹. Образ матери, «чьи руки ощущались везде и во всех делах»⁷⁰, воспринимается рассказчиком как собирательный образ матери, чья сущность состоит в заботе о семье и жертвенности ради семьи, ибо, как заключает Йост рассказ, «матери всегда умирают ради своих сыновей...»⁷¹

В следующем романе «Крестный путь» («Kreuzweg», 1922) фёлькиш-национальная идеология обретает более ясные черты. Своеобразным ключом для понимания этого романа служит статья Йоста «Немецкий язык» («Deutsch», 1921), в которой чётко обозначены пределы творчества писателя, заключающиеся в «языке, манере, расе и природе»⁷².

⁶⁰ Ibid. S. 48.

⁶¹ Ibid. S. 50.

⁶² Б. Брехт оживлённо переписывался с Г. Йостом, и, судя по письмам, их отношения были чрезвычайно тёплого свойства. В 1920 г. в одном из писем к Йосту Брехт, справляясь о возможности встречи с ним, пишет: «Или Вы поедете через Аугсбург? Это было бы великолепно!» (Düsterberg R. Op.cit. S. 51).

⁶³ Ibid. S. 50. – О степени дружеских отношений между Брехтом и Йостом говорит тот факт, что он, щадя, вероятно, авторское самолюбие Йоста, постарался очистить свою пьесу «Баал» от «призрака «Одинокого» с тем, чтобы литературная и идеологическая конфронтация между ними не проявлялась в явной степени (Ibid. S. 51).

⁶⁴ Ibid. S. 51.

⁶⁵ Ibid. S. 51.

⁶⁶ Ibid. S. 56.

⁶⁷ Ibid. S. 57.

⁶⁸ Ibid. S. 57.

⁶⁹ Ibid. S. 164.

⁷⁰ Johst, H. Mutter ohne Tod // H. Johst. Torheit einer Liebe. Mutter ohne Tod. – München, 1935. – S. 243.

⁷¹ Ibid. S. 291.

⁷² Ibid. S. 88.

Роман «Крестный путь» посвящён становлению молодого человека после Первой мировой войны в фёлькиш-национальном духе, осознавшего, что его жизнь определяется двумя постулатами – жертвенность и долг. Молодой врач, общаясь со своими коллегами, проникается идеями национальной особенности. Йост искусно сталкивает его с представителями разной политической ориентации, которые, каждый в своём роде, исповедуют фёлькиш-национальную идеологию. Аптекарь, жаждущий принять участие в русской революции и презирающий образованность, интеллектуальность, поучает молодого коллегу: «Дух – это всегда сомнение! Сомнение – это отсутствие лица. Отсутствие лица – это всегда заблуждение глаз... Только масса созерцала бога!.. Разве прибили бы его [Христа. – Е. З.] к кресту убеждения книжников, если бы он не отверг от них народ, массы? Христос, а в его лице и бог, являются жертвами духа»⁷³.

Другой коллега никак не может смириться с разрывом сословных отношений: «...крестьянин и рыцарь, аристократия и народ, господин и раб. Грусливое мышление, нездоровую истерию порождают такие разделения... Вся история человечества – это ни что иное, как картина болезни различного рода возбудимости... Всегда, как только народы начинают мыслить, они начинают физически деградировать. До тех пор, пока у них здоровые зубы и кулаки, в их философии заметно отсутствие глубины; но у них есть государство, которым они могут блистать... Ошибка демократии состоит в том, что она из всех хотела бы сделать политиков. Для нас германцев удовлетворение состоит в верности. Повиновение является для нас самым благородным помыслом»⁷⁴.

Подобные рассуждения героев романа, основанные на отрицании духовности, интеллигенции, являющейся проводником идей гуманизма, порождённых международным еврейством, отражают возросшие фёлькиш-национальные тенденции в творчестве Йоста.

Именно с этого романа начинается активная борьба Г. Йоста против Веймарской республики, ибо в нём, а также в ряде сопутствующих роману статей писателя, нашли отражение все претензии фёлькиш-национальных кругов страны, а нацистов в особенности, к послевоенному государству. Последующие пьесы – «Пророки» («Propheten», 1922), «Томас Пейн» («Thomas Paine», 1927) – стали неким руководством к действию, ибо в них уже определялись основной принцип построения будущего немецкого государства и статус непререкаемого вождя, фюрера. Историческая драма «Пророки», посвящённая борьбе Мартина Лютера за освобождение немецкой церкви от римско-католического влияния, за становление собственно немецкого восприятия мира: «Германия?.. Никто не знает, где она начинается, никто не знает и где она кончается. У неё нет границ, господи, в этом мире... Она в сердцах людей... или её не найдут нигде и никогда»⁷⁵.

В этих словах можно усмотреть парафраз не только к высказываниям Г. Фихте, Я. Гримма, В. Гёте и Ф. Шиллера, но и к пангерманистским настроениям, царившим в фёлькиш-национальных кругах во времена кайзера и во времена Веймарской республики. Не случайно Йост завершает драму патетическими словами Лютера об историческом предназначении Германии: «Жизнь помогает живым... живая вера освобождает жизнь! Меч вызывает энтузиазм, но меч и правит, слава мечу! Германия штурмует своё небо!»⁷⁶.

Патетика речей Лютера определяется и осознанием им своей руководящей роли, роли вождя, роли фюрера, ибо масса – ничто, фюрер – всё: «Моя свобода – это моя вина... Моя вина – это божья милость! Я, я несу её... я, я страдаю за неё! Я борюсь за то, чтобы вас освободить, я люблю вас свободными!»⁷⁷

Следующим шагом для утверждения культа фюрера является драма Йоста «Томас Пейн», посвящённая одному из вождей революционного движения за независимость Соединённых Штатов в XVIII веке. Через всю пьесу проходит мысль о жертвенности харизматического вождя, который должен погубить свою личную судьбу для того, чтобы «стать мелодией», которая звучит для нас «гимном властной и прекрасной жизни в словах «Мы, камрад, мы!»⁷⁸ Этого же требует Пейн и от американцев в их борьбе за независимость: «Готовы ли вы ради этого вызывающего эмоцию слова Америка принести в жертву ваше имущество и кровь?»⁷⁹ Личность – ничто, общество – всё. Этот лозунг, определявший идеологию нацистов, находит своё полное воплощение в трагической судьбе Пейна, который после неудачной попытки принять участие в революционном движении во Франции (его, как предполагаемого роялиста, революционеры посадили в тюрьму) возвращается в США и обнаруживает, что здесь он никому не нужен. Но он утешается тем, что страна стала свободной и историческая миссия выполнена: «Со словами, обращёнными к его прежним, но теперь уже мёртвым соратникам в политической борьбе, «Я вернулся!.. Камрады!», он бросается в море»⁸⁰.

⁷³ Düsterberg, R. Op.cit. S. 90.

⁷⁴ Ibid. S. 91.

⁷⁵ Düsterberg, R. Op.cit. S. 92.

⁷⁶ Ibid. S. 93.

⁷⁷ Ibid. S. 93.

⁷⁸ Ibid. S. 153.

⁷⁹ Ibid. S. 154.

⁸⁰ Ibid. S. 154.

Учитывая, что пьеса была написана в 1927 г. и Гитлер как вождь нацистского движения ещё не воспринимался широкими массами в роли мессии, пьесу Йоста можно рассматривать как некое упреждающее действие, как посыл националистской идеи преобразования Германии тем более, что публика прекрасно поняла этот посыл: «В Кёльне в присутствии автора публика впала в такой восторг, «какого ещё много лет здесь не случалось»; повсюду раздавались «бурные», «мощные, нескончаемые аплодисменты» и «восторженные отзывы»⁸¹. По крайней мере, фёлькиш-консерваторы и нацисты восприняли Пейна как «неизвестного солдата политики», который «направил игру политических элементов на великую цель становления народа и построение государства... и смертью подтвердил основной принцип своего политического актинизма, согласно которому вся полнота народной жизни стоит над честолюбием и эгоизмом отдельной личности»⁸². Эти слова известного нацистского литературоведа Арно Мулота, прозвучавшие в 1944 г., когда война шла уже на территории Германии, лишней раз подтверждают установку идеологии национал-социализма на пестование культа смерти и жертвенности.

Без преувеличения можно сказать, что Йост, не будучи членом НСРПГ, в своих пьесах 20-х гг. развивал многие тезисы нацистской идеологии, приуготовляя публику к восприятию новой политической данности, воспитывая в ней вкус к новому пониманию предназначения личности, вернее, напоминая ей о возвышенном статусе ведомого в великих начинаниях ведущего.

Хождение Г. Йоста в политику началось ещё в 1922 г., когда он в ответ на речь Т. Манна «О немецкой республике» («Von deutscher Republik», 1923) разразился открытым письмом к своему другу⁸³, обвинив писателя в «предательстве его собственной немецкой сущности»⁸⁴. Йост и его соратники не находят ничего хорошего в «пацифистском, гуманистическом, провозглашающем братство народов, интернационально-национальном правительстве», потому что сегодня, как никогда раньше, нужна «проникнутая героизмом личность» для того, чтобы народ не погиб «бесследно в политике взаимных интересов словоохотливых каст и классов... Мы отказываемся от слова, потому что мы верим в поступок. Уже четыре года как республика получила слово, нагромоздила аргумент на аргумент, чтобы доказать, что она существует по праву, и действительно, Вы стали её неплохим панегиристом. Только нам по духу родственны самые радикальные утописты слева и справа, чем важные в литературном смысле ораторы рассудка, духа, права, человечности, гуманизма»⁸⁵.

В ещё большей степени и большей открытости идеи национал-социализма получают своё выражение в сборнике статей Йоста «Знание и совесть» («Wissen und Gewissen», 1924), в который входят три трактата «О новой драме» («Vom neuen Drama»), «О прекрасном, добром и истинном» («Über das Schöne, Gute und Wahre»), «О вере» («Vom Glauben») и эссе «Этос ограничения» («Vom Ethos der Begrenzung»). Этот сборник являет собой не только катехизис идеологических основ творчества писателя, но и идеологическую платформу фёлькиш-национальной оппозиции, хотя, по большому счёту, всё, о чем пишет Йост, было сказано ещё в трудах Лангбейна, Бартельса, Чемберлена. Основная мысль этого сборника определяется проблемами расовой гигиены и отказа от гуманистических идеалов. Прежде всего, Йост настаивает на том, что «вся жизнь» определяется «нравственными требованиями национального сознания», которое покоится только на душе, а не на каких-то представлениях, понятиях, максимах, т. е. не на интеллекте⁸⁶. Немецкий народ, являющий собой «кровное родство и расовое своеобразие», постоянно подвергается воздействию «бациллы западной ориентации», что грозит «гармонии влияния государства и царства небесного»⁸⁷. Коли эта гармония нарушена, немецкому народу нужен «лидер», который должен появиться из глубинки, обладающий не образованием, а «безошибочной интуицией», могущий «все безымянные слои населения» заставить повиноваться себе, ибо немцы принадлежат к тем народам, которые «могут достичь величия только под руководством выдающейся личности»⁸⁸.

В этой ситуации значимость индивидуума как такового по отношению к коллективу сводится на нет, ибо главной обязанностью его становится жертвенность во имя высшей цели: «Добровольная жертва или принесённый в жертву... перед лицом фёлькишер идеи суть вещи одинаковые. Сам факт живой жертвенности служит на благо отчизне. Индивидуумы предлагают себя в качестве кровавой жертвы, в этом качестве они жертвуют собой ради идеи немецкого народа»⁸⁹. Добровольная смерть или убийство ради

⁸¹ Ibid. S. 155.

⁸² Mulot, A. Die deutsche Dichtung unserer Zeit. – Stuttgart, 1944. – S. 95.

⁸³ Каких-либо сведений о дружеских отношениях между Г. Йостом и Т. Манном обнаружить не удалось, хотя не исключено, что они встречались на каких-либо литературных мероприятиях.

⁸⁴ Düsterberg, D. Hans Jost – der Literaturfunktionär und Saga-Dichter... S. 103.

⁸⁵ Ibid. S. 103 – 104.

⁸⁶ Johst, H. Ethos der Begrenzung // H. Johst Ich glaube! Bekenntnisse. – München, 1942. – S. 57.

⁸⁷ Ibid. S. 58.

⁸⁸ Ibid. S. 58.

⁸⁹ Ibid. S. 61

сохранения отчизны стали позднее главной составляющей идеологии будущих эсэсовцев, обучение которых в специальных школах проходило под лозунгом «приносить и принимать смерть»⁹⁰.

Понятно, что приказы подобного рода будет отдавать та самая «выдающаяся личность», без которой немецкая нация ни на что не способна. Отсюда выстраивается принцип «безграничной и безоговорочной веры» в слово этой личности, т. е. принцип фюрерства, ставший основой Третьего рейха.

Для того чтобы реализовать все названные постулаты, нужны «единство слова и души, слова и убеждений, слова признания и поступки»⁹¹, и в этом заключается задача немецкой литературы и, в частности, драмы. Театр будущего должен стать национальным культом, могущим создать некое подобие совместного переживания, и поэтому актёры и зрители должны слиться в единое «дыхание нового и старого, почувствовать дыхание вечного культа»⁹².

Любовь к театральным действиям нацистов общеизвестна. В каком-то смысле нацистское «движение» можно назвать театральным предприятием, состоящим из маршей, факельных шествий, партийных съездов. К числу подобных театральных действий относились и выступления Гитлера. Иоахим Фест, биограф Гитлера, пишет о том, что фюрер «изобретательно соединяет постановочные элементы цирка и оперного театра с торжественным церемониалом церковно-литургического ритуала. Вынос знамён, музыка маршей и приветственные возгласы, песни, а также вновь и вновь звучащие крики «хайль!» создают своим нагнетающим напряжением обрамление для большой речи фюрера и тем самым уже заранее впечатляюще придают ей характер благовестия»⁹³.

Особую озабоченность Йоста вызывает засилье в немецкой действительности «чужестранцев», евреев, которые, в силу их «ненемецкой» ориентации, представляют опасность для становления немецкой национальной самости. Только благодаря Лютеру, порвавшему с Римом и очистившему веру от образованности, знаний и рефлексий, удалось как-то сохранить истинную религиозность.

Ко времени публикации сборника «Знание и совесть» Йост ещё не был членом нацистской партии, но уже «считался представительным писателем правых политиков», который поставил своё творчество на службу фёлькиш-национальным кругам, а от них до национал-социалистов было рукой подать. Не случайно, что многие положения сборника «Знание и совесть» прямо или косвенно вошли в программу НРСПГ: «Выведение «чуждых по крови» евреев из «народного сообщества» и лишение их гражданства, введение «законодательства об инородцах», высылка представителей «чужих наций (не граждан), недопущение в страну мигрантов не немцев; борьба против «парламентской экономики»; «беспощадная борьба с теми, кто своей деятельностью вредит общественным интересам; замена римского права на «германское общинное право», создание «сильной центральной власти в империи», борьба против «художественных и литературных направлений, которые оказывают разлагающее воздействие на жизнь нашего народа»; свобода для всех религиозных вероисповеданий, если они не нарушают нравственные и моральные чувства германской расы»; свобода «позитивному христианству», включая борьбу против «еврейско-материалистического духа *в нас и вне нас*», и, наконец, колонии «для пропитания нашего народа и заселения их избытком нашего населения»⁹⁴.

Нельзя сказать, что публицистика Йоста оказала решающее воздействие на становление политической программы НРСПГ, но то, что к его мнению прислушивались, свидетельствует хотя бы тот факт, что его речи регулярно публиковались в нацистских изданиях, вроде «Известия боевого союза», «Фёлькишер Beobachter»⁹⁵ и в официальных теоретических изданиях нацистов вроде «Зюддойче Monatshefte» («Süddeutsche Monatshefte») и «Национал-социалистиче Monatshefte» («Nationalsozialistische Monatshefte»)»⁹⁶.

Начиная с 1929 г. Йост становится постоянным участником почти всех мероприятий «Боевого союза в защиту немецкой культуры», на которых он близко сошёлся с А. Розенбергом, назначившим его в 1933 г. «имперским руководителем отделения письменности» «Боевого союза»⁹⁷, с Г. Герингом, который, правда, не раз вставал на его карьерном пути, и с А. Гитлером. Знакомство Йоста с Гитлером состоялось в марте 1932 г. и произвело на него такое впечатление, что он стал его фанатом и принял самое активное участие в его президентской кампании. Журнал «Литерарише Вельт», публикуя в сентябре 1932 г. текст выступления Йоста по радио, представляет его уже как «ведущего литературного деятеля из близкого окружения Гитлера»⁹⁸, так что состоявшееся в ноябре 1932 г. вступление Йоста в ряды НРСПГ было формальным завершением его тесной связи с национал-социализмом.

⁹⁰ Düsterberg, R. Op.cit. S. 109.

⁹¹ Johst, H. Op.cit. S. 49.

⁹² Ibid. S. 36.

⁹³ Фест, И. Адольф Гитлер. – Т. 1. Пермь, 1993. – С. 245.

⁹⁴ Düsterberg, R. Op. cit. S. 112.

⁹⁵ Johst, H. Wort – Schrift – Zucht // Völkischer Beobachter. – Nr. 148. – 28.05.1931.

⁹⁶ Düsterberg, R. Op.cit. S. 132.

⁹⁷ Ibid. S. 127.

⁹⁸ Ibid. S. 136.

Поступок этот, имея в виду довольно слабое представительство НРСПГ в парламенте на данный момент, объясняется не столько прагматическими надобностями Йоста (в этом смысле он не гнушался, когда это касалось его произведений, пойти на поклон даже к собственным противникам), сколько его искренним убеждением. Правда, столь позднее решение стать членом партии могло показаться неким приспособленческим поступком, однако в данном случае всё было иначе. Личность Гитлера была для Йоста решающим фактором для того, чтобы откинуть в сторону традиционное подозрительное отношение фёлькиш-националов к партиям и к политике вообще, для которых эти понятия ассоциировались с ненавистной им Веймарской республикой. Понимание того, что свержение этого демократического режима невозможно без партии и соответствующей политики привело к тому, что в публицистике Йоста, как, впрочем, и документах НРСПГ, особое место заняло слово «движение» («die Bewegung»), игравшее роль некоего политического эвфемизма. Йост воспринимал НРСПГ не как партию, а как некое «движение», выражавшее народную волю, стоявшее над партиями и признававшее только слово вождя, фюрера. Собственно, так позиционировала себя и НРСПГ, «решительно дистанцируясь от так наз. системных партий»⁹⁹.

Именно со времени вступления в НРСПГ Йост публикует ряд статей, ставших едва ли не определяющими в культурной политике национал-социалистов. И здесь, прежде всего, нужно назвать его статью «Искусство при национал-социализме» («Kunst unter Nationalsozialismus»). Основная мысль этой статьи сводится к «идеи фюрера», к «особой значимости его личности», которая воплощает в себе все проявления общественной жизни, будь то искусство или промышленность, и поэтому фюрер не подлежит какой-либо критике. Значимость остальных индивидуумов сведена к их утилитарной надобности государства: индивидуум живёт, вернее, он имеет право жить до тех пор, «пока он служит», а умирает в том случае, «как только он становится негодным для службы». В таком же соотношении к государству находятся литература и искусство, ибо «национал-социалистское государство и культура идентичны», и всё, что не отвечает этим представлениям, умирает. Искусство не должно заниматься интеллектуальным рассмотрением и рациональным конструированием, а путём «метафизики убеждения», находящейся за пределами эмпирических знаний, посвятить себя «восхвалению», «бессмертию», «подвигу», потому что «фашизм покоится на побуждении всего происходящего к фанатической вере в подвиг»¹⁰⁰.

Официальное признание Йостом своей принадлежности к национал-социализму потребовало пояснения и его отношения к еврейскому вопросу. Иметь своё мнение по данному вопросу входило в пакет обязательных высказываний для лиц, приближённых к партийной верхушке, и Йост по заведённому порядку высказал это мнение в статье «Народ в народе» («Volk im Volke», 1932). Йост заявил, что ветхозаветные евреи исчезли, а те, что остались, – «ни немцы, ни евреи», а нечто промежуточное между нациями. Немец определяется своей национальной принадлежностью, еврей – подданством. В немецкой культурной жизни еврей «позиционирует себя агрессивно», играя своими типично расовыми свойствами рационализма, интеллектуальности, он всегда превосходит и тем самым действует разлагающе, он «всегда прав»¹⁰¹. Настоящий статус в Германии немецкие евреи обретут только тогда, считает Йост, когда они найдут в себе силы так же, как «мы, молодые немцы», возродить ветхозаветный дух еврейства: «Еврей, полуеврей или тот, кто духовно или душевно каким-то образом принадлежит еврейской сфере по крови или воспитанию, этот еврей должен вспомнить о своей народности», ибо только тогда он сможет «как ясно ограниченный этнос и единая субстанция действовать рядом с нами, с немцами, вместе с нами»¹⁰².

Конечно, по сравнению с оголтелым антисемитизмом Юлиуса Штрайхера из «Штюрмера», высказывания Йоста покажутся совершенно безобидными, однако позже, когда он станет значительной фигурой в культурной жизни Третьего рейха, его словарь существенно изменится. По большому счёту, Йоста нельзя назвать радикальным антисемитом, его антисемитизм укладывался в общепринятые рамки обычного антисемитизма в Германии. В статье «К еврейскому вопросу» («Zur Judenfrage», 1924) Йост пишет: «По роду и крови я отношусь к антисемитам; я признаю также, что моё отношение к человеку еврейской национальности никогда не сможет возникнуть с такой непосредственной, наивной естественностью, как это происходит по отношению к какому-либо белокурому брату; но я подтверждаю с удвоенной объективностью, что часть моих любимых друзей семиты»¹⁰³.

Филосемитизм и антисемитизм Йоста определялись его литературными надобностями, а после 1933 г., особенно после завязавшейся дружбы с Генрихом Гиммлером, главой СС, присвоившим ему звание группенфюрера СС, и занимаемым местом в нацистской иерархии. Здесь вряд ли можно говорить о перерождении Йоста; скорее всего верх взяла его царедворская натура и открывшиеся возможности по-

⁹⁹ Ibid. S. 137.

¹⁰⁰ Ibid. S. 135.

¹⁰¹ Düsterberg R. Op.cit. S. 142.

¹⁰² Ibid. S. 143.

¹⁰³ Ibid. S. 150.

считаться с некоторыми врагами из мира театра, к которым он обращался за помощью в первые годы своей литературной карьеры.

Таким образом, ко времени прихода к власти нацистов Йост как бы отметился по всем пунктам кодекса правоверного национал-социалиста, и это не осталось незамеченным, ибо после января 1933 г. на него обрушился буквально поток назначений высшего порядка.

1 марта 1933 г. Йост был назначен ответственным за литературную политику Государственного драматического театра в Берлине и фактически принял на себя руководство театром. «Фоссише Цайтунг», доживавшая последние дни, писала ещё 4 февраля 1933 г. о предполагавшемся назначении Йоста на этот пост: «Если его назначат на пост Легалия [руководитель театра. – Е. З.], то это возвышение произойдёт не из-за его лирики, его драм и его романа, а из-за его приверженности к партии. Йост давно уже стал членом национал-социалистической партии»¹⁰⁴.

Именно с позиций партии Йост сразу же определяет в своей статье «Что такое культурбольшевизм? Задачи, стоящие перед немецким театром» («Was ist Kulturbolschewismus? Die Aufgaben der deutschen Bühne», 1933) основные принципы театральной политики нацистов: очищение немецкой сцены от иностранных пьес, т. к. французские бульварные комедии, английские и американские «криминальные боевики» пренебрегают высшим назначением искусства – «правдивостью»; в будущем в театре должны быть представлены классики и современные драматурги, которые «черпают свои силы из народа и его истории»¹⁰⁵.

В качестве примера подобного рода драматургии Йост решает поставить 20 апреля 1933 г., в день рождения фюрера, во вверенном ему театре свою новую пьесу «Шлагетер» («Schlageter»), которая в качестве радиопьесы, начиная с 1 марта 1933 г., передавалась по всем радиостанциям 15 раз, заложив основы «нацистской радиопьесы»¹⁰⁶. Значимость этой пьесы определялась ещё и тем, что её постановка совпала с десятилетней годовщиной смерти Альберта Лео Шлагетера, расстрелянного по решению французского военного суда в 1923 г. за террористическую деятельность (подрыв мостов, взрывы на вокзалах) в оккупированной французами Рурской области¹⁰⁷. Нацисты возвели его в статус мученика и национального героя, с помпой отмечая по всей стране дату его смерти. Особый размах чествования Шлагетера приняли во Фрайбургском университете, где он изучал экономику. Мартин Хайдеггер произнёс перед тысячной толпой студентов торжественную речь, назвав смерть Шлагетера «тяжелейшей и величайшей смертью во имя немецкого народа и рейха... Мы чествуем героя и поднимаем молча в знак приветствия руки»¹⁰⁸.

Миф Шлагетера, начавшийся формироваться в нацистских кругах уже во время его похорон, вылился в огромное количество стихов (Э. фон Медем, А. Вайс, Э. Ханфштэнгль, П. Варнке), пьес (К. фон Бёттихер, П. Пфенниг, О. Зэнгер). Однако наибольшего успеха в прославлении Шлагетера, в создании мифа нацистского мученика добился Йост, ибо ему удалось попасть в самое больное место в сознании не только национал-социалистов, но и многих немцев, испытывавших после поражения в Первой мировой войне национальное унижение, оккупацию Рейнской области, тяготы репараций. Из террориста, работавшего на польскую разведку, предателя, выдавшего на суде ради спасения собственной головы всех своих подельников, Йост сделал «первого солдата Третьего рейха»¹⁰⁹, положившего свою жизнь ради высоких идеалов. Как истый царедворец, а проще говоря, конъюнктурщик, он связал мечту Шлагетера о создании Третьего рейха с днём рождения Гитлера, осуществившего эту мечту, уловил дух победного торжества первых месяцев, охвативший нацистов после захвата ими власти в стране. Не случайно Йост посвятил свою пьесу фюреру с трогательной надписью «Адольфу Гитлеру с величайшим почтением и неизменной преданностью»¹¹⁰.

Именно поэтому премьера его пьесы в Государственном драматическом театре 20 апреля 1933 г. превратилась в некий государственный акт, в котором впервые приняли участие все высшие чины на-

¹⁰⁴ Ibid. S. 189.

¹⁰⁵ Ibid. S. 190.

¹⁰⁶ Ibid. S. 190.

¹⁰⁷ Шлагетера, возможно, и не расстреляли бы, тем более, что за него вступилась шведская королева и даже Ватикан, но тут случилось так, что именно в это время премьер-министр Франции Пуанкаре подвергся жёсткой критике в парламенте со стороны правых за его либеральную политику в Рейнской области, на что тот и ответил соответствующим образом.

¹⁰⁸ Ibid. S. 191.

¹⁰⁹ Johst, H. Schlageter. Schauspiel. – München, 1941. – S. 85.

¹¹⁰ Jost, H. Op.cit. S. 5. – Правда, конкуренты тоже не дремали. Пауль Байер (Beyer, Paul), известный драматург, намеревался к десятой годовщине со дня гибели Шлагетера устроить «национальный фестиваль» под названием «Дюссельдорфские страсти» («Düsseldorfer Passion»), проведя аналог судьбы Шлагетера с судьбой Иисуса Христа. Многочисленные театры хотели поставить именно в день рождения Гитлера эту пьесу, и главе издательства Ланген-Мюллер Г. Пецольду пришлось приложить немало усилий для того, чтобы перенести постановку «Дюссельдорфских страстей» на 24 апреля. (Düsterberg R. Op.cit. S. 195).

цистской партии во главе с Гитлером, а также писатели, деятели искусства. «Шлагетер» был «первой пьесой, которой Третий рейх праздновал самого себя»¹¹¹.

Вся пьеса пронизана ненавистью к Веймарской республике, и является своего рода поношением демократии как таковой. В какой-то мере эту пьесу можно назвать неким ответом на литературу о «потерянном поколении», неким положительным вариантом псевдогероического разрешения жизненных проблем солдат в послевоенном мире, выполненным в нацистском духе. Йост акцентирует внимание на воинских доблестях немецкого солдата, не получивших достойной оценки в произведениях «литераторов, разглагольствовавших о военных переживаниях»¹¹². Весь пафос этой пьесы определяется словами одного из её героев: «Мы на войне, чёрт меня побери, занимали не место, а позицию! Мы были свободны и готовы ко всему, и мы не были такими совершенными идиотами, какими хотели бы представить нас сегодня благородные литераторы! И тот, кто тогда, всё то чудесное время, был солдатом, тот и сегодня остаётся им!»¹¹³

В первом акте происходит встреча двух бывших фронтовиков, а теперь студентов, Шлагетера и Тимана. Шлагетер изучает экономику, полагая таким путём проникнуть в суть финансовых процессов с тем, чтобы разрушить мировую систему государственного устройства, которая приведёт человечество, по его мнению, «к катастрофе... к банкротству»¹¹⁴. Но сначала нужно навести порядок в собственной стране, а для этого требуются проповедники, «властители, которые не боятся вида крови»¹¹⁵, и поэтому «народу требуются проповедники, обладающие мужеством жертвовать лучшим... проповедники, которые проливают кровь, кровь, кровь... проповедники, которые убивают!»¹¹⁶ В этих фанатических выкриках содержится призыв к политическим убийствам, к свержению Веймарской республики.

Тиман мыслит более конкретно, уговаривая Шлагетера забросить экономику и вступить в ряды революционеров, перейти от теории к активным действиям, к террористическим актам против французской армии, оккупировавшей Рейнскую область: «Биржа как поле битвы, доллар как боевой призыв! Как благороден по отношению к ним пулемёт!»¹¹⁷ 1918 г. не был для Тимана годом поражения, а только продлённой «побывкой», и то не на родине, а среди врагов, демократов, республиканцев: «Всю эту чушь знаю я ещё с восемнадцатого... Братство, равенство... свобода... Красота и достоинство! Мышей ловят на сало. И тут же, за болтовнёй: Руки вверх! Бросай оружие... Ты республиканское стадо избирателей! – Нет, весь этот мировоззренческий салат не подходит... Здесь стреляют! Когда я слышу слово “культура”... я взвожу курок моего браунинга!»¹¹⁸

Хотя Шлагетер оценил радикальный запал Тимана – «Здорово сказано!»¹¹⁹ – и сам готов принять участие в террористических акциях, однако такого рода деятельность должна иметь некий более весомый посыл, чем простое проявление «солдатского буйства»¹²⁰. Главное для Шлагетера – определить цели новой Германии, и заключаются они в отказе от любых проявлений демократии: «Всех сторонников братства мира 1918 года к стенке! Вырвать рейх из пут парламентаризма»¹²¹. Место демократических установлений займёт «сообщество, сходное монашескому ордену», где «больше не будет никаких сыновей, никаких братьев, никаких отцов, вообще никаких родственников... Мы только товарищи!»¹²²

Несмотря на хлесткие лозунги, патетические возгласы и «правильные» высказывания, первый акт, как свидетельствовали современники, не вызвал у публики энтузиазма: «Когда занавес упал, аплодисментов не последовало»¹²³. И вызвано это было не только скучным и затянутым действием, но и позицией главного героя, не разделявшего анархистские взгляды своих друзей, привыкших крушить всё и вся без разбора, как это они делали во время карательных рейдов в Прибалтике и в Силезии. В подобной реакции зрителей сказывался менталитет победителей, не терпящих сомнений любого свойства.

Второй акт, надо полагать, должен был показать истинное лицо правительства социал-демократов, и выдержан в остро сатирических тонах. Регирунгспрезидент Шнайдер, выходец из пролетарской среды, ещё не освоившийся в новом качестве, сокрушается по поводу своих рабочих рук: «Эти лапищи грузчика, на них тошно смотреть! Они не подходят для этого кабинета... к моей должности... Раньше они под-

¹¹¹ Rühle, G. Zeit und Theater 1933–1945. – Bd.6. Diktatur und Exil. Frankfurt/Main. – Berlin, Mai. 1980. – S. 729.

¹¹² Johst, H. Op.cit. S. 17.

¹¹³ Ibid. S. 19.

¹¹⁴ Johst, H. Op.cit. S. 29.

¹¹⁵ Ibid. S. 28.

¹¹⁶ Ibid. S. 29 – 30.

¹¹⁷ Ibid. S. 32.

¹¹⁸ Ibid. S. 26.

¹¹⁹ Ibid. S. 26.

¹²⁰ Ibid. S. 51.

¹²¹ Ibid. S. 48.

¹²² Ibid. S. 37.

¹²³ Цит. по: Lionel, R. Deutscher Faschismus und Kultur. Aus der Sicht eines Franzosen. – Berlin 1982. – S. 255.

ходили... когда я выступал... всё время размахивал сжатыми кулаками... вообще-то... неплохо... особенно когда кулаком ударить по столу»¹²⁴. Но Шнайдер уже вкусил прелесть власти, и когда его соратник по партии Клемм пообещал ему продвижение по службе, если он узнает у своего сына имена радикалов, собирающихся провести вооружённую акцию против французских оккупационных войск в Рейнской области, то Шнайдер с готовностью соглашается пожертвовать своим сыном ради карьеры.

Сатирически представлен и генерал вермахта, пытающийся уговорить Шлагетера отказаться от проведения вооружённой акции во имя спасения мира в стране. Генерал, поддерживая официальную линию на пассивное сопротивление французам, в душе согласен с намерениями Шлагетера, но в разговоре с ним, как военный, привыкший подчиняться приказам, призывает Шлагетера оставаться в рамках дозволенного. Шлагетер, поняв, что от вермахта кроме моральной поддержки трудно ожидать какой-либо помощи, в сердцах восклицает: «Из ваших слов, ваше превосходительство, я понял, что официальная Германия не желает иметь с нами ничего общего. Мы вне закона. Я лично признаю себя находящимся вне закона. Поэтому я отказываюсь быть героем вашей отчизны! Я даже отказываюсь от звания героя моей отчизны. Я буду саботажником, террористом, человеком, лишённым чести, преследуемым, каторжанином... Мы будем взрывать!!!» На что генерал ответил: «Благодарю вас, Шлагетер»¹²⁵.

В третьем акте, отмеченном обилием антифранцузской риторики в солдатском духе, группа националистов под руководством Шлагетера готовится к подрыву французского поезда во время прохождения его по мосту. При этом их не беспокоит, что среди французских солдат будут находиться немецкие заложники: «...несколько погибших душ только наделают больше шума. Подрывом двух-трёх поездов мы не добьемся успеха»¹²⁶. И хотя Шлагетер поначалу возражал против этого, но, в конце концов, признал необходимость такой жертвы. Шлагетер выступает здесь не только как настоящий вождь, как фюрер, но и как «первый солдат Третьего рейха»¹²⁷. Со словами «Германия!» участники группы отправляются в Рейнскую область.

Действие четвёртого акта происходит на квартире родителей Тимана, одного из приближённых Шлагетера. Уже известно, что участники террористического акта арестованы и преданы военному суду. Профессор Тиман проклинает войну, унёсшую двух его сыновей, и считает себя виноватым в том, что воспитал своих детей и всех школьников, прошедших через его руки, в духе любви к родине; Генерал, напротив, считает, что жертвы были не напрасны: «Проигранная война ещё не повод для того, чтобы отказываться от своих идеалов! Наоборот, она является поводом для того, чтобы глубже, фанатичнее и благочестивее восхвалять победу!»¹²⁸; регирунгспрезидент Шнайдер от одной мысли, что погибнет его сын, почти теряет рассудок: «Если французы убьют моего Августа... и если наше правительство стерпит всё это, тогда я убью это правительство!.. Товарищи... товарищи... Где вы теперь?»¹²⁹ Наконец по телефону сообщают, что Шлагетер приговорён к расстрелу, Август Шнайдер – к пожизненному заключению, Тиман – к двадцати годам каторжных работ. Сцена заканчивается провидческими словами генерала: «...я слышу, как идут новые колонны... маршевый шаг... подъём... Германия, проснись!»¹³⁰

Суд над Шлагетером на сцене не представлен. Пьеса завершается сценой расстрела Шлагетера, который, стоя на коленях спиной к публике, произносит свой предсмертный монолог: «Германия! Последнее слово! Одно желание! Приказ! Германия! Проснись! Воспламенись! Воспылай! Зажгись неслышанным огнём!»¹³¹ Яркая вспышка света, сопровождаемая залпами выстрелов, которые сквозь тело Шлагетера словно направлены на публику, и темнота. В зале воцарилось молчание. Вместо того, чтобы аплодировать, зрители поднялись со своих мест и запели вместе с участниками спектакля национальный гимн «Германия превыше всего» и партийный гимн «Хорст Вессель».

Спектакль, как писала берлинская «Тэгглихе Рундшау», стал высшим проявлением национального духа: «Этот Шлагетер стоит в начале нового искусства, которое принадлежит народу, или его не будет вообще. Этот Шлагетер зажгёт огнём немецкую совесть. Огнём Клейста. Очищающим огнём нации. Шлагетер – это новый молодой немецкий человек. Его смерть – это возрождение, всё, чем он владеет, это фронтовое товарищество, верность, братство»¹³².

Не все разделяли это мнение. Оскар Лёрке после разговора с Готтфридом Бенном, присутствовавшим на премьере «Шлагетера», отметил в своём дневнике: «Бенн ощутил наглость и враждебность. Он

¹²⁴ Ibid. S. 58.

¹²⁵ Ibid. S. 75.

¹²⁶ Ibid. S. 89.

¹²⁷ Ibid. S. 85.

¹²⁸ Johst, H. Op.cit. S. 122.

¹²⁹ Ibid. S. 126 – 127.

¹³⁰ Ibid. S. 134.

¹³¹ Ibid. S. 135.

¹³² Цит. по: Schoeps, K.-H. Op.cit. S. 127.

считает, что нас не только отстранят, но и физически уничтожат»¹³³. Французская газета «Журнал дё деба» назвала пьесу детищем «сотрудничества Йоста и министра пропаганды Геббельса»¹³⁴.

Вдохновлённый успехом «Шлагетера», Йост ставит во вверенном ему театре свою пьесу «Про-роки», но здесь его подвела излишняя горячность в красочном претворении на сцене антисемитских проявлений разъярённой толпы. Антисемитизм как таковой отвечал постулатам национал-социализма, но в данном случае Йост, по словам современника, «слишком рано выпустил кошку из мешка», чем и вызвал необузданный гнев Геринга, премьер-министра Пруссии, в ведении которого находились и театры¹³⁵. Отсутствие политического чутья у Йоста, ответственного за театральную политику Государственного драматического театра, сказалось и в том, что он задался целью обогатить его репертуар пьесами фелькиш-национального толка, что вызвало недовольство как среди актёров (особенно Эмми Зонненман, будущей жены Геринга), так и среди партийной элиты.

Не надо забывать, что до прихода к власти нацистов, Берлин по праву считался одним из мировых театральных центров. Нацистам хотелось сохранить гляцевую обложку столицы, а фелькиш-национальные пьесы, за которые так ратовал Йост, мало кого интересовали (если вообще интересовали, учитывая их низкий уровень), превращая столичный театр в прибежище провинциального вкуса. Ради сохранения высокого статуса Берлина как театральной Мекки решено было пожертвовать Йостом, который после нелюбезной беседы с Герингом был отстранён от руководства театра, а его место занял Густав Грюндгенс, популярный в Германии артист, который, как не без иронии отметил знаменитый драматург Карл Цукмайер, в одночасье превратился из «радикального “культурбольшевика”» в любимца нацистских богов.

За всеми этими событиями стояло соперничество между Розенбергом, Герингом и Геббельсом. В этой ситуации речь шла меньше всего о каких-то политических предпочтениях. Йост был человеком Розенберга и Гиммлера, и Геринг не упустил возможности насолить своим противникам, а заодно и Геббельсу, так как (и это ещё один казус культурной политики в Третьем рейхе) ведущие театры Германии – Государственный драматический театр, Оперный театр и «Шаушпильхаус» – были единственными театрами в рейхе, не подпадавшими под начало всемогущего министра пропаганды. Геринг, будучи премьер-министром Пруссии, столицей которой был Берлин, мог распоряжаться всеми культурными учреждениями, в том числе и театрами, по своему усмотрению даже, если его действия не вписывались в контекст национал-социалистской идеологии¹³⁶.

Изгнание Йоста из Государственного театра не означало какой-либо опалы. В феврале 1935 г. Йост отправляется по линии ведомства Геббельса в полугодовую пропагандистскую поездку по Европе, результатом которой было появление книги «Маска и лицо. Путешествие национал-социалиста из Германии в Германию» («Maske und Gesicht. Reise eines Nationalsozialisten von Deutschland nach Deutschland, 1935»). Книга полна столь страстного восхваления новой Германии, выражения столь безоглядной преданности Йоста нацистскому режиму, что в свете недавних событий в его жизни она воспринимается не иначе как верх низкопробной лести и заискивания. Об этом свидетельствует уже посвящение книги «Генриху Гиммлеру в знак верной дружбы»¹³⁷, вызванное стремлением Йоста заручиться поддержкой главы СС в сложившейся непростой ситуации. Этими же надобностями вызваны и прочувствованные слова по поводу книги графини Фанни Виламовитц-Мёллендорф «Карин Гёринг» («Karin Göring», 1935), посвящённой жизни первой жены Г. Геринга, умершей в 1931 г.¹³⁸ Йост, которого Геринг в довольно грубой форме отправил в отставку с поста главного режиссёра Государственного театра, теперь пытается, ссылаясь на нежные письма Геринга к матери Карин, представить своего обидчика ангелом во плоти, называя его «мужчиной в самом глубочайшем смысле», и хотя «за границей слишком часто поговари-

¹³³ Цит. по: Düsterberg, R. Hanns Johst... S. 197.

¹³⁴ Цит. по: Lionel, R. Op.cit. S. 226.

¹³⁵ Цит. по: Düsterberg, R. Op.cit. S. 207.

¹³⁶ Только этим можно объяснить настойчивость, с которой Геринг старался всячески удержать Грюндгенса в Государственном театре. После того, как в апреле 1936 г. официальный орган нацистов «Фелькишер беобахтер» опубликовал разгромную, на целую страницу, статью о Грюндгенсе, он уехал в Швейцарию с намерением больше не возвращаться в Германию. Обеспокоенный Геринг позвонил ему лично в Швейцарию, сообщил о том, что он арестовал авторов этой статьи, и попросил Грюндгенса вернуться в Берлин с тем, чтобы обговорить все условия его работы. По возвращению в Берлин Геринг устроил спектакль с извинениями авторов этой статьи. Грюндгенс вспоминает: «Он заклинал меня остаться, сообщить ему все мои требования и был готов их исполнить. Он подчеркнул, что если я уеду, он уже не сможет защитить мою семью и моих близких друзей». И он нашёл средство защиты, присвоив Грюндгенсу звание государственного советника, носитель которого обладал иммунитетом, согласно которому его можно было арестовать только с согласия Геринга (Gründgens G. Op.cit. S. 17 – 18).

¹³⁷ Jost, H. Maske und Gesicht. Reise eines Nationalsozialisten von Deutschland nach Deutschland. – München, 1935. – S. 5.

¹³⁸ Ibid. S. 132 – 135.

вают о том, что Геринг это вояка, брутальная натура, но я буду с сегодняшнего дня всем этим достойным людям, которые распространяют подобные избитые мнения, вручать эту книгу»¹³⁹.

Однако апофеозом этого пропагандистского опуса Йоста является безмерное восхваление Гитлера. Мало того, что упоминание имени Гитлера не сходит со страниц этой книги, но в довершение всех патетических возгласов о великой миссии фюрера Йост заканчивает её сладкоголосой главой о встрече с вождём нации в рейхсканцелярии. Каждое слово фюрера, каждое его движение вызывает у Йоста неопишное умиление. Фюрер справляется о его поездке за рубежом и мимоходом бросает: «Вы, наверное, читали, я тоже был там... Я был в Венеции». Действительно, фюрер сказал совершенно наивно: «Вы, наверное, читали». Этот человек ничего не предполагает. Он начинает каждый разговор по-сократовски, совершенно произвольно»¹⁴⁰.

Глава заканчивается двумя стихотворениями Йоста. Одно, «Призыв Роланда» («*Rolandsruf*», 1918), в котором он, восхваляя страдания немецкого народа, утешает его тем, что они не напрасны: «Я чувю, мой народ, бури / смутное предвещание»; другое, «К фюреру» («*Dem Führer*»), откровенный панегирик спасителю: «И народ и фюрер слились воедино. / Третий рейх окаменел, закалился, / Стоит прочно в сиянии зари, / Преображённый как великолепнейшая дароносица / Твоей счастливейшей улыбкой, мой фюрер!»¹⁴¹

Подобного рода изъявления верноподданнических чувств не остались без внимания, и стараниями Розенберга Йост был выдвинут в качестве кандидата на только что учреждённую Гитлером премию НРСРПГ «за заслуги в области искусства и науки». Науку представлял Ганс Гюнтер, ведущий специалист по вопросам расовой теории. Подобный тандем достаточно красноречиво говорил о характере культурных предпочтений нацистов.

Как видно из выступления Розенберга на имперском съезде НРСРПГ в Нюрнберге в 1935 г., руководство партии придавало большое значение вкладу Йоста в становление нацистской идеологии в стране: «Йост... создатель «Шлагетера», который прославил того самого человека, о котором мы и на этом имперском съезде вспомним, о его совершенно безоговорочном самоотречении и боевой готовности ради немецкого народа, стал символом пробудившейся молодой Германии. Этой мученической смерти национал-социалистской Германии Ганс Йост создал в своей драме памятник потрясающего рода»¹⁴². 11 сентября 1935 г. в оперном театре Нюрнберга состоялся торжественный акт вручения этой премии, на котором присутствовала вся политическая элита Третьего рейха во главе с Гитлером, тем самым недвусмысленно давалось понять, что Йост является первым бардом нацистской литературы. Отсюда понятно последовавшее 1 октября 1935 г. назначение Йоста на должность президента «Имперской палаты письменности».

Должность эта отвечала как честолюбивым интересам самого Йоста, ибо она открыла перед ним необъятный простор для личного представительства в культурной и отчасти политической жизни Третьего рейха, так и надобностям нацистского государства, ибо более лучшего и в известной степени приемлемого для внешнего, как, впрочем, и для внутреннего потребления пропагандиста идеологии национал-социализма трудно было найти: «Он олицетворял собой совокупность всей националистски ориентированной немецкой литературы»¹⁴³, хотя, начиная с 1935 г. и до конца Третьего рейха, Йост как литератор в истинном смысле этого слова перестал существовать. Опубликованные за этот период три книги – уже упоминавшаяся «Маска и лицо» (1935), «Зов рейха – Отклик народа! Поездка на Восток» («*Ruf des Reiches – Echo des Volkes! Eine Ostfahrt*», 1940) и «Фриц Тодт. Реквием» («*Fritz Todt. Requiem*», 1943) – являются чисто пропагандистскими, заказными произведениями, в которых от прежнего Йоста остались лишь слабые напоминания о былом таланте. Агитатор, оратор, пропагандист, «мыслитель», как его иногда представляли в нацистской прессе, а, в общем-то, самовлюблённый человек, упивающийся открывшимися возможностями быть в центре внимания не в силу собственной значимости как творческой личности, а в силу занимаемой должности президента «Имперской палаты письменности», таким Йост оставался до конца Третьего рейха.

В этом качестве самой палате Йост уделял мало внимания, вернее, уделял в той мере, в какой это отвечало его личным надобностям и сохранению его имиджа в глазах партийного руководства, он всё же находился в курсе всех её событий, выполняя роль регулятора, следившего за тем, чтобы во вверенном ему учреждении сохранялся порядок, не вникая при этом в чисто литературные проблемы. В этой связи проявилась двойственность его натуры. Йост, например, много сделал для того, чтобы спасти от гестапо

¹³⁹ Ibid. S. 133.

¹⁴⁰ Ibid. S. 206.

¹⁴¹ Johst, H. Op.cit. S. 209.

¹⁴² Rosenberg, A. Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. – Bd. 2. Reden und Aufsätze von 1933–1935. – München, 1936. – S. 336.

¹⁴³ Düsterberg, R. Hans Johst ß der Literaturfunktionär und Saga-Dichter // Dichter für das «Dirre Reich». Biographische Studien zun Verhältnis von Literatur und Ideologie / Hrsg-v- R. Düsterberg. – Bielefeld, 2009. – S. 114.

Курта Пинтуса, известного писателя, эссеиста, одного из теоретиков экспрессионизма, с которым он находился в дружеских отношениях ещё со времён расцвета этого литературного направления. В 1934 г. Йост даёт письменное свидетельство о заслугах Пинтуса перед немецкой литературой¹⁴⁴, а в 1937 г. помогает ему, по свидетельству Пинтуса, покинуть с семьёй Германию и даже вывести его обширную библиотеку¹⁴⁵.

Более масштабной и необычной выглядит история другого представителя того же цеха – Готфрида Бенна. Йост был знаком с Бенном ещё с начала 20-х гг., ещё более это знакомство усилилось во время преобразования секции поэзии в Прусской академии искусств в «Немецкую академию поэзии», а также при организации «Союза национальных писателей», появившегося стараниями обоих авторов после выезда Германии из ПЕН-клуба. Бенн и Йост зачастую выступали совместно в разработке различного рода документов, постановлений, а симпатии Бенна к новым властителям в Германии ещё более усилили их знакомство. Поэтому, когда в 1934 г. нацисты заподозрили наличие у него еврейских корней, Бенн обратился к Йосту за помощью, и Йост тут же откликнулся: «Я подтверждаю... что г-н Бенн с самого начала поставил себя на службу новому государству и никогда не нарушал законы национальной чести. Кроме формального подтверждения мне надлежит в рамках вверенных мне фюрером и рейхсканцлером под мою ответственность ведомств немецкой письменности сердечно поблагодарить г-на доктора Бенна за мужественную борьбу за немецкую культуру в духе Третьего рейха на международном фронте!»¹⁴⁶ В 1937 г., после разгромной статьи о Бенне сначала в газете СС «Шварце Корпс», а затем и повтор её в «Фёлькишер беобахтер», появляется книга некоего третьюстепенного художника Вольфганга Вильриха, сотрудника ведомства Вальтера Дарре, вождя немецкого крестьянства, «Очистка храма искусства» («Säuberung des Kunsttempels»), в которой выражалось возмущение по поводу того, что «некий культурбольшевик, во время перебежавший в НСРПГ, занимает сегодня (в 1936 году!) важное место в Литературкаммер», и недоумение по поводу того, что критика в «Шварце Корпс» не возымела успеха¹⁴⁷. Бенн опять вынужден обратиться за помощью к Йосту, тот, со своей стороны, от имени палаты пишет опровержение, а когда узнаёт, что Вильрих в личном письме на имя Бенна поносит и его, то подключает к проблеме своего лучшего друга Гиммлера, потому что почувствовал обиженным и самого себя. Гиммлер указал Вильриху его место и запретил своим сотрудникам (значит, и газете «Шварце Корпс») заниматься Бенном. Здесь, как справедливо пишет Р. Дюстерберг, речь шла не столько о Бенне, Бенн был лишь поводом, а о соперничестве между Дарре, мечтавшем подмять под себя «Имперскую палату письменности», Розенбергом, лелеявшим такие же планы, и Геббельсом, опередившим обоих соперников¹⁴⁸.

Но тут случилось непредвиденное. Через голову Йоста Геббельс с подачи Геринга отчислил Бенна из «Имперской палаты письменности», поставив под угрозу само его существование, ибо такой же удар по инерции мог последовать и со стороны «Палаты врачей», учитывая основную специальность писателя. По просьбе Йоста Гиммлер добился того, чтобы Бенна оставили в покое и позволили ему продолжить воинскую службу в качестве врача, чем и создали ему условия уйти в военную «внутреннюю эмиграцию». Какие-то статейки и высказывания продолжали появляться, но не с той интенсивностью, ибо Йост по-прежнему продолжал оказывать Бенну повсеместную помощь: «Игнорируйте критику», – сообщал ему Йост в своей телеграмме в мае 1939 г. – «Ручаюсь за неприкосновенность и безупречность Вашей поэтической личности»¹⁴⁹.

Бенн до конца своей жизни, утверждает Р. Дюстерберг, был благодарен Йосту за помощь в трудные годы фашизма¹⁵⁰. Однако в своей книге «Двойная жизнь» («Doppelleben», 1943–1950) Бенн пишет лишь о том, что «Йост – надо отдать ему должное – всегда вёл себя по отношению ко мне честно...»¹⁵¹, и все перипетии своих бед свёл к разговорам со своим военным начальством, благоволившим к нему. Скорее всего, такая «забывчивость» Бенна связана с тем, что «Двойная жизнь» появилась как ответ писателя на обвинения немецких эмигрантов в связи с его начальной приверженностью к идеологии национал-социалистов.

Йост мог и мстить своим коллегам по цеху, и самым ярким примером тому является его печально знаменитое письмо Гиммлеру от 10.10.1933 г. с предложением арестовать и отправить в концлагерь Дахау в качестве заложника Томаса Манна с тем, чтобы заставить замолчать его сына Клауса Манна, издававшего в Амстердаме эмигрантский журнал «Собрание» («Die Sammlung»): «Так как этот полуеврей вряд

¹⁴⁴ Düsternberg, R. Hans Johst: Der «Barde der SS»... S. 283.

¹⁴⁵ Ibid. S. 283.

¹⁴⁶ Ibid. S. 277.

¹⁴⁷ Ibid. S. 277.

¹⁴⁸ Ibid. S. 278 – 279.

¹⁴⁹ Ibid. S. 280.

¹⁵⁰ Ibid. S. 280.

¹⁵¹ Бенн, Г. Двойная жизнь // Г. Бенн. Двойная жизнь. Проза. Эссе. Избранные стихи / Составление И. Большев, В. Вебер. – Аугсбург, Москва, 2008. – С. 180.

ли перейдёт к нам и, следовательно, мы не сможем его, к сожалению, посадить на стульчик, я бы предложил в этой ситуации прибегнуть к захвату заложника. Нельзя ли слегка заарестовать господина Томаса Манна, проживающего в Мюнхене, из-за его сына? Его духовная продукция не пострадает ведь от осенней свежести Дахау, мы ведь знаем по примерам из наших собственных рядов, какие великолепные произведения были успешно написаны именно национал-социалистскими заключёнными. Достаточно вспомнить о Гитлере и Рёме. Я упоминаю об этом с тем, чтобы мы в этом отношении могли подстраховаться в случае, если нас назовут варварами. Ведь мы выступаем только против клеветнической плоти господина Манна, а не против его европейского духа»¹⁵².

Откровенный цинизм этого письма вызван не только стремлением закрыть эмигрантское издание, в котором публиковались изгнанные из Германии писатели, но в ещё большей степени всё возраставшей с 1922 г., после знаменитой речи Т. Манна «О немецкой республике», ненавистью Йоста к своему прежнему другу.

Предложение Йоста Гимmlеру понравилось, но вскоре выяснилось, что Т. Манн ещё 10 февраля 1933 г. покинул Германию, и акция Йоста провалилась. Подобная неосведомлённость о местонахождении одного из значимых врагов рейха является лишним свидетельством того, в какой степени Йост (Гимmlеру хватало врагов и в самом рейхе) интересовался литературными делами, будучи на данный момент президентом секции поэзии в Прусской академии искусств¹⁵³. Свою деятельность на посту президента «Палаты письменности» Йост воспринимал как сугубо представительскую, полагая себя неким олицетворением всей истинно немецкой, т. е. национал-социалистской литературы.

Апофеозом карьеры Йоста стало присвоение ему в 1935 г. звания оберфюрера СС, а в 1937 г. – группенфюрера СС, приравненного к Генеральскому званию. Йост гордился этим званием, и даже после крушения рейха продолжал утверждать, что со стороны Гимmlера это было «очень благородно» таким образом отметить его заслуги перед Германией. Таким образом, дружба Йоста с Гимmlером, носившая чуть ли не интимный характер (Йост называл Гимmlера «великим братом одного немецкого поэта») ¹⁵⁴, переросла в политическое содружество, ибо Гимmlер задумал создать некую «сагу» о войсках СС, и Йост как никто лучше всего подходил для этой цели.

В 1939 г., после падения Польши, Гимmlер был назначен «рейхскоммисаром по упрочению немецкой народности», т. е. ответственным за германизацию завоёванных польских земель, что подразумевало депортацию евреев в определённые дистрикты, переселение поляков с земель, подлежащих германизации. 24 октября 1939 г. Гимmlер отправился в инспекционную поездку по оккупированной Польше, взяв с собой Йоста с тем, чтобы тот вживе ознакомился с деятельностью войск СС. Судя по всему, Йост придавал этой поездке огромное значение, если даже отказался выступить с обязательной речью на Великогерманской встрече поэтов в Веймаре (25–28.10.1939). Во время поездки по Польше Йост принимал участие в беседах Гимmlера с высшими офицерами генерал-губернаторства (так называлась Польша в годы нацистской оккупации), слушал их рапорты об уничтожении польских евреев и представителей интеллигенции, присутствовал при депортации евреев Лодзи в Люблин, где нацисты, как с удовлетворением отмечал Йост, создали «первую в Европе еврейскую территориальную резервацию»¹⁵⁵, был свидетелем показательных расстрелов польских саботажников, специально устроенных для высоких гостей. Всё это подвигло Йоста к выводу о том, что немецкие поэты слишком мягкотелы: «...немецким поэтам... следует принимать участие в экзекуциях, проводимых на Востоке, с тем, чтобы увиденное сделало из них настоящих мужчин»¹⁵⁶. Более развёрнуто эту мысль Йост изложил в своём выступлении по радио в июле 1942 г., положив тем самым начало групповым выездам писателей в действующую армию¹⁵⁷.

Если первая поездка Йоста с командой Гимmlера в Польшу была своеобразной прикидкой, сбором материала для будущей «саги», то вторая поездка в Польшу 25 января 1940 г. в той же компании дала писателю обширный материал для создания первой книги о деятельности СС «Зов рейха – отклик народа! Поездка на Восток». Цель поездки носила пропагандистский характер и связана была с переселением так наз. вольнских немецких крестьян с восточных территорий Польши, занятых советскими войсками, на этническую родину в Германию¹⁵⁸, а также с инспекцией состояния дел в губернаторстве. Йост при-

¹⁵² Düsterberg, R. Op.cit. S. 288. Г. Геринг о Т. Манне.

¹⁵³ К. Манн, хотя он и не мог знать о намечавшейся акции, отомстил Йосту за попытку посягнуть на жизнь его родного отца, изобразив Йоста в 1936 г. в сатирическом романе «Мефистофель» («Mephisto») в образе государственного советника Цезаря фон Мука.

¹⁵⁴ Düsterberg, R. Op.cit. S. 289.

¹⁵⁵ Johst, H. Ruf des Reiches – Echo des Volkes! Eine Ostfahrt. – München, 1940. – S. 72.

¹⁵⁶ Düsterberg, R. Op.cit. S. 303.

¹⁵⁷ Ibid. S. 303.

¹⁵⁸ К сожалению, российские, как, впрочем, и немецкие исследователи, обходят стороной этот исторический эпизод. Автор последней известной работы в этой области, Ерохина О.В., в своей диссертации «Социально-экономическое и

существовал во время бесед Гимmlера с высшими немецкими оккупационными чинами. Выслушав отчёт одного из офицеров СС об уничтожении 300 пациентов психиатрической больницы, а также сообщения о подобного рода акциях других высоких чинов СС, Йост замечает: «В сердцах этих людей заключён катехизис воли фюрера, и с этим вросшим в них и надёжным ощущением порядка они энергично, точно и храбро и с совершенством делают то, что от них требуется... Мне нравятся такие пионеры нового государства, которые ярко демонстрируют новым провинциям закономерности нашей расы»¹⁵⁹.

Именно люди такого сорта являются для Йоста главными героями его «саги» о «подвигах» СС, и он с самозабвением, сравнивая себя с Цезарем и Тацитом, пускается, «словно Одиссеей», в плавание по оккупированной Польше, прославляя силу немецкого оружия: «Борьба идёт не на жизнь, а на смерть! И растёт уверенность в том, что более сильный элемент одолеет слабого! Ради чего он одолевает, это является судьбоносным вопросом победителя! На этот вопрос не ответит ни один романтик и никакая идеология, не нажив себе мозолей. Этот ответ даст только более сильный!»¹⁶⁰ Деяния этого «сильного» по уничтожению поляков и евреев Йост наблюдал лично, и пришёл к выводу, что «времена сентиментальности прошли. Того, кто мягок, пронзит кинжал ненависти»¹⁶¹, потому что «унаследованная здоровая кровь» является «единственной предпосылкой закона жизни, в соответствии с которым народ входит в историю»¹⁶².

Речь идёт, конечно, о немецком народе: «Поляки ни в коем случае не являются государствообразующим народом. У них отсутствуют для этого простые предпосылки. Вместе с рейхсфюрером СС я проехал страну вдоль и поперёк. Страна, которая имеет столь малое понятие о сути поселения, которого даже ни сколько не хватает для понятия стили деревни, эта страна не имеет никаких притязаний на какое-либо самостоятельное властное положение в европейском пространстве. Это колониальная страна! Скоро немецкий плуг изменит эту картину»¹⁶³. Йост настолько упоён увиденным, что в восторге восклицает: «Никогда я ещё не был таким ясным и окончательным национал-социалистом, как здесь»¹⁶⁴.

Эти и многие другие высказывания Йоста были оценены по заслугам Гимmlером. С октября 1939 по ноябрь 1944 г. Йост постоянно находился в полевом штабе Гимmlера, присутствовал на встречах с узким кругом генералов, сопровождал Гимmlера во время посещения еврейского концлагеря в 1942 г. и участвовал в октябре 1943 г. в совещании, на котором Гимmlер произнёс свою печально знаменитую речь об «окончательном решении еврейского вопроса»: «Я хочу упомянуть с полной откровенностью ещё об одной совершенно тяжёлой проблеме... Я имею в виду теперь эвакуацию евреев, уничтожение еврейского народа. Это легко сказать. «Еврейский народ будет уничтожен», – говорит каждый член партии. – «здесь всё ясно, об этом говорится в программе партии, об изоляции евреев, об уничтожении евреев, мы это сделаем». И тогда все они, все 80 миллионов славных немцев приходят к нам, и у каждого есть свой порядочный еврей. Понятно, что все остальные свиньи, а вот этот – отличный еврей. Каждый из тех, кто так говорил, остался ни с чем, ничего не добился. Большинство из вас знает, что значит, когда рядом лежат 100 трупов, когда тут же лежат 500 или 1000 трупов. Это всё вынести и при этом – несмотря на исключение человеческой слабости – остаться порядочным – это делает нас твёрдыми. Это есть неписаная и никогда написанной не будет славная страница нашей истории... Но в целом, мы можем сказать, что мы это сложнейшую задачу выполним из любви к нашему народу. И от этого наш внутренний мир, наша душа, наш характер ничуть не пострадают»¹⁶⁵.

Как обстояли дела с внутренним миром у участников этой встречи в дальнейшем трудно сказать, но Йост совершенно точно не испытывал никаких угрызений совести, принял речь своего друга как руководство к действию, говорит о его беззаветной преданности идеологии национал-социализма.

После 1945 г. Йост трижды привлекается к суду, но с каждым разом степень его виновности признаётся, как это было обычным делом в западногерманских судах того времени, менее значимой, и в 1955 г. его полностью реабилитируют.

Реабилитация Йоста-писателя не состоялась, несмотря на то, что в том же году он публикует роман «Благословенная быстротечность» («Gesegnete Vergänglichkeit»). Написанный ещё в годы нацизма и теперь очищенный от антисемитских пассажей, роман подвергся уничтожающей критике¹⁶⁶, что, впрочем, нисколько не смутило автора. В литературном архиве в Марбахе хранится огромное количество стихов,

---

культурное развитие немецких поселений Области Войска Донского 70-е гг. XIX в. – 1917 г. (2001), даже не пытается в общих чертах сказать что-либо о дальнейшей судьбе этих поселений.

¹⁵⁹ Johst, H. *Ruf des Reiches*... S. 73.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Johst, H. *Op.cit.* S. 90 – 91.

¹⁶⁴ Ibid. S. 64.

¹⁶⁵ Цит. по: Düsterberg, R. Hanns Johst: «Der Barde der SS»... S. 314.

¹⁶⁶ Ibid. S. 386 – 387.

рассказов, фрагментов и просто заметок, свидетельствующих о том, что Йост по-прежнему мыслил категориями прошлого, хотя иногда он приходил к осознанию заката собственной литературной значимости, как это видно из одного фрагмента: «Я никогда не буду открыт... для интеллектуалов – я слишком глуп, а для глупцов – слишком интеллектуален»¹⁶⁷.

Г.В. Синоло (Минск, БГУ)

**ТОПОСЫ РОЗЫ И САДА В ЛИРИКЕ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР
(К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНИ СЛОВА И ОБРАЗА В ТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ)**

«Поэзия есть конституирование бытия посредством слова» [1, с. 44], – так некогда М. Хайдеггер определил предназначение поэзии, которое, по его мнению, наиболее полно выразил Фридрих Гёльдерлин, «поэт самой сущности поэзии» [2, с. 57]. Сам же Гёльдерлин писал: «Was bleibet aber, stiften die Dichter» [3, S. 196] («Но то, что пребывает, устанавливают поэты»). Бренное и преходящее поэт превращает в вечное посредством слова, в этой теургической функции уподобляясь Богу, творящему мир Словом – тем Словом, которое, по мысли Гёльдерлина, «с Востока пришло к нам» («...so // kam das Wort aus Osten zu uns» [3, S. 141]), которое звучит в Священном Писании и по-прежнему обращается к нам как «человекотворяющий Голос» («die menschenbildende Stimme» [3, S. 141]). Об этом же Слове, в котором она находила спасение, с которым вела бесконечный диалог и которое расценивала как и ее собственный мир творящее Слово, писала Роза Ауслендер в стихотворении «Das Wort» («Слово»), одном из самых прегnantных по стилю, предельно прозрачных и одновременно очень глубоких по смыслу ее стихотворений, открывающемся цитатой из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога...» (*Иоанн 1:1*):

Am Anfang
war das Wort
und das Wort
war bei Gott

Und Gott gab uns
das Wort
und wir wohnen
im Wort

Und das Wort ist
unser Traum
und der Traum ist
unser Leben [4, S. 81].

(«В начале // было Слово // и Слово // было у Бога // И Бог дал нам // Слово // и мы живем в Слове // И слово есть // наша мечта [наш сон] // и мечта [сон] есть // наша жизнь»)

Поэзия выдающейся немецкоязычной (немецко-еврейской) поэтессы Розы Ауслендер (Rose Auslaender, 1901–1988), как и творчество близких ей по духу и поэтике Нелли Закс и Пауля Целана, представляет собой выдающийся феномен литературы XX века, связанный с обновлением поэтического мышления и самого немецкого языка, что признано большинством немецких и австрийских литературоведов. Немецкие исследователи считают поэзию Р. Ауслендер органичной составляющей немецкой литературы XX века, более того – одной из вершин немецкого поэтического языка. Так, Ральф Шнелль (Ralf Schnell) в своей «Истории немецкоязычной литературы с 1945 года», вышедшей в Штутгарте в 1993 г., пишет о П. Целане и Р. Ауслендер: «Они внесли в развитие немецкого языка XX века вклад, не сравнимый ни с чем. Трагедия и исторический парадокс заключаются в том, что они, родившиеся далеко за пределами Германии, пережившие ужасы войны, чудом спасшиеся, стали элитой немецкой культуры, творцами европейского гуманизма» [5, S. 23]. Действительно, величайшим парадоксом является то, что эти «аутсайдеры» с точки зрения национальности и географии выразили с наибольшей полнотой суть немецкого слова, став в один ряд с Гёте, Гёльдерлином, Гейне, Гофмансталем, Рильке.

Специфика модели мира, предстающей в лирике Р. Ауслендер, и своеобразие ее поэтического языка обусловлены самим местом рождения поэтессы и формирования ее личности: это Черновицы (в советской «редакции» – *Черновцы*) – исторический центр Буковины, где волею судеб переплелись раз-

¹⁶⁷ Ibid. S. 399.